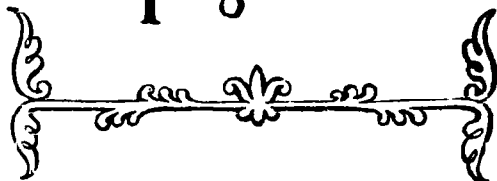

МАВРОДИН

**Народные
движения
против
иноземных
захватчиков
в древней
руси**

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ

1945

Проф. В. В. МАВРОДИН

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ
ПРОТИВ ИНОЗЕМНЫХ
ЗАХВАТЧИКОВ
В ДРЕВНЕЙ РУСИ

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕНИНГРАД • 1945

Отв. редактор *С. Н. Валк.*

Техн. редактор *А. Хрош.*

ОГИЗ. Госполитпздат. Ленинград. 1945.

Подписано к печати 19/II 1945 г. М 00979. 1⁵/₈ п. л. 1,86 уч.-изд. л.
45632 тип. зн. в 1 печ. л. Тираж 10000 экз. Заказ № 176.

2-я типография "Печатный Двор" им. А. М. Горького треста "Полиграф-книга" ОГИЗа при СНК РСФСР. Ленинград, Гатчинская, 26.

«От истока реки Вислы на неизмеримых пространствах основалось многолюдное племя венедов» — славян.

Их поселения тянутся далеко на восток, до Днепра. Здесь обитают «анты — храбрейшие из них».

На юге и западе живут славяне, а на востоке их соплеменники — анты.

Так повествует о начальной истории антов — прямых предков восточнославянских, русских племён — готский историк VI в. Иордан.¹

Могучей поступью, с оружием в руках вышел на арену мировой истории русский народ.

Неудержимой лавиной шли на юг отважные и сильные, воинственные и стойкие воины «бесчисленных племён антов» (Прокопий Кесарийский). Рослые и сильные, одетые в грубые рубахи и шаровары, с мечами и щитами в руках, они вышли и к голубым водам Дуная и к равнинам Фракии, на поля Италии, к снежным вершинам Кавказских гор, к бурным водам Чёрного моря. С мечом в руках они перешли Дунай, вступили в византийские земли, влив свежую струю в дряхлеющую

«империю ромеев» (греков), и отстаивали своё право на независимость в борьбе с готами и аварами. Мечом завоевали они себе славу великих и доблестных воинов, храбрейших из всех, стойких и отважных, выносливых и искусных, страшных для врагов и гостеприимных для друзей. Это о них писал в своём «Стратегиконе» Маврикий (VI в.): «их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране». ²

Вооружённые небольшими копьями, луками и стрелами, иногда с ядовитыми наконечниками, мечами и прочными, тяжёлыми щитами, анты поджидали своих противников в густых лесах, оврагах, ущельях и внезапно с криком нападали на них из засады.

Используя знание местности, прибегая к всевозможного рода военным хитростям, свидетельствующим о природной смекалке, днём и ночью анты нападали на врагов, применяя самые различные, самые неожиданные способы боя. Анты умело переправлялись через реки, «превосходя в этом отношении всех людей» (Маврикий).

Застигнутые неприятелем врасплох, анты укрывались в камышах и, опустившись у берега на дно реки или озера, дышали через выдолбленные камышины, часами выдерживая пребывание в воде и укрываясь от глаз врагов.

«Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище», — говорит об антах Маврикий.

Когда враг внезапно напал на антов в походе,

они ставили свои возы в круг, как это делали позднее их потомки — русские во времена своих походов в глубь степей, на половцев и устраивали своеобразное укрепление, которое в любую минуту могло вновь пуститься в путь. Такой круг, составленный из сдвинутых возов, напоминавший казацкий табор, был неприступен для неприятеля. Меткие стрелы и метательные копья держали врага на почтительном расстоянии от боевого стана антов.

Анты вступили в стадию «военной демократии» (Фр. Энгельс), при которой народ управлялся выборными вождями и все дела решались сообща, на сходах; все мужчины были вооружены и принимали участие в обороне своей земли и в походах в далёкие земли, за Дунай, в пределы Византийской империи, «империи ромеев», на Балканы. Дружины антов — это вооружённый народ. При этом тот же Маврикий, хорошо знавший славян и их сородичей — антов, говорит об особенно опасных для «ромеев» внезапных нападениях из засад «легковооружённой молодёжи».

В непрерывных походах и войнах «грубые варвары», как называли византийцы славян и антов, научились военному искусству у своих же врагов, вооружились их же оружием. И настало время, когда изумлявшие своей доблестью византийских писателей анты «научились вести войну лучше, чем римляне, имеют золото и серебро, табуны коней и много оружия» (Иоанн Эфесский).

Византийцы высоко оценивали военное искус-

ство антов, умевших воевать в самых трудных условиях, в горах, ущельях, оврагах, лесах и болотах, стойких, мужественных, умело использовавших местность, предприимчивых и смелых в бою, «доблестных» и «энергичных» (Прокопий).

Маврикий посвятил искусству войны со славянами и антами целый ряд разделов своего «Стратегикона», и это свидетельствует о том, что Византия считала их опасными противниками.

В начале своих войн с византийцами, в первые десятилетия VI в., славяне и анты не умели сражаться сомкнутым строем, и им трудно было биться с «ромеями» на открытом месте. Поэтому они предпочитали сражаться в лесах и болотах, в горах и ущельях, прибегали к засадам, ловушкам, внезапным нападениям и т. д.

Это было «детство» военного искусства антов. Выйдя на широкие просторы византийских земель, анты вынуждены были отказаться от своих старых тактических приёмов и усвоить искусство врагов, сохранив свои исконные боевые качества.

Вот почему византийцы приглашали к себе на службу антских воинов, которые сражались в Италии, вот почему ант Хвилибуд был начальником византийских гарнизонов по Дунаю, командующим византийской черноморской эскадрой был ант Доброгаст, среди военачальников византийского войска упоминается ант Всегорд.

Мужество, воинственность, стойкость, храбрость и свободолюбие антов заставляли даже врагов относиться к ним с уважением.

Грозные для врагов, анты отличались радушием и гостеприимством, приветливо принимали иноземцев, заботились о них и охраняли их. Если по вине какого-либо анта с гостем-чужеземцем случилось несчастье, то приютивший у себя гостя ант «начинал войну против виновного».

Но если в страну антов приходил не гость, ищущий крова, а враг, с оружием в руках жаждущий крови и добычи, поднимались «бесчисленные племена антов», и каждая роща, овраг, каждый куст таил в себе смертельную угрозу для захватчика.

В родной земле, в своём краю ант сражался до последней капли крови. Анта нельзя было покорить, его можно было только убить.

Сила и доблесть антов, внушавшая страх врагам, вселяла уверенность в себе в сыновьях великого народа славянского.

Зная силу славянского оружия, в ставке могучего и грозного аварского кагана посол «храбрейшего из всех» народа антов Межамир Идарич говорил в лицо всесильному кагану надменные речи; зная грозную мощь своих дружин, славянский вождь Лаврит (Даврита) и старейшины отвечали посланцам аварского кагана Баяна: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу?.. И в этом мы уверены, пока будет на свете война и мечи». ³ Все эти качества: мужество и стойкость, предприимчивость и энергию, смелость и выдержку, воинственность и любовь к свободе анты пе-

редали своим далёким потомкам, восточнославянским племенам, русскому народу, и стали они основой национального характера, морального облика русского народа, его психического склада.

И пронёс, как святыню, свою воинственность и свободолюбие русский народ через века, через великие испытания столетий. Готы, гунны, авары («обры»), болгары, хозары, варяги, венгры («угры») сменяли друг друга как «вороги» русских племён, претендовавшие на их земли, богатства, на роль повелителей восточной Славянщины, но в борьбе с ними крепили и мужали силы народа русского, складывалась его государственность.

В 70-х годах IV в. вожди восточногерманских готских дружин, обосновавшиеся временно в Причерноморье, попытались захватить частицу «края антов» и по приказу остготского вождя Винитара (Витимера) вторглись в земли антов. В первом же столкновении с антами готы потерпели поражение. Тогда Винитар прибегнул к хитрости, заманил вождя антов Боза (Божа) с сыновьями и семьюдесятью «старшими вельможами» и убил их. Через год он был разгромлён Валамиром (Баламбером), вождём могущественных кочевых племён гуннов, пришедших из Монголии.

Готская «держава» была разгромлена, и анты избавились от своих врагов — готов. Но гунны, пройдя на запад, насильственно увлекли за собой часть антских дружин.

В годы передвижений антов на юго-запад, на Дунай и за Дунай складывались, рассыпались и

вновь складывались племенные и политические объединения антов.

А когда во второй половине VI в. появился новый грозный враг — авары, для борьбы с ними в Прикарпатье, на Волыни, в земле волянн (дулебов), возникло первое восточнославянское, русское, «варварское» государство, государство времён «военной демократии». Оно сыграло большую роль в деле политического объединения и культурного сближения юго-западной ветви восточнославянских племён. Но в начале VII в. оно было разрушено аварами, одновременно разгромившими византийские войска.

Опустошительные набеги и тяжкое иго «обров», а также переселения антов из Приднепровья на юг, к Дунаю и в пределы Византийской империи, привели к известному запустению среднего Приднепровья, куда, в свою очередь, передвинулись с севера более отсталые лесные славянские племена.

Унаследовав традиции своих южных сородичей — антов, их культуру, их связи, смешавшись с ними, восточные славяне северных областей быстро пошли по пути прогресса.

На некоторое время в среднем Приднепровье и в сопредельных областях устанавливается власть хозар, обосновавшихся на Кавказе и на Волге. Но уже в конце VIII в. свободолюбивые жители берегов Днепра-Славутича сбросили владычество хозарского кагана. Народное предание, записанное летописцем, повествует о том, как поляне, жители

древней земли Киевской, на предложение хозар уплатить им дань послали в ответ вместо дани меч.

Добившись освобождения от власти хозарского кагана, славяне начали объединяться для совместных походов. В процессе этого объединения росла и усиливалась военнс-дружинная верхушка, складывалось русское государство.

И в начале IX в., после испытаний предшествовавших веков, оправившись от потрясений, причинённых вторжениями кочевников, пройдя эпоху великих передвижений на юг, север и восток, на арену мировой истории выходит «могущественный и воинственный народ росов» — прямой потомок антов. Блестящими походами на побережье Чёрного моря, на Сурож (конец VIII в.) и Амастриду (начало IX в.), огнём своих костров у стен Константинополя (860 г.) и Абесгуна (на берегу Каспийского моря. 880 г.) возвестил русский народ о начале нового этапа в своей истории.

Благодаря созданию государства у «гор и лесов» киевских (Киева той далёкой поры, когда он представлял собой ещё три отдельные поселения, что нашло отражение в легенде о трёх братьях — основателях Киева: Кие, Щеке и Хориве) приднепровские славяне избавились от разбойничавших угров, диких и жестоких кочевников, наводивших ужас на всю центральную Европу. Венгры прошли мимо Киева, не тронув его.

И с удивлением слушал летом 839 г. в далёком Ингельгейме император Людовик Благочестивый

рассказ посланцев «хакана» русского о далёкой стране и государстве народа «рос». Сообщение Бертинских анналов (летописи) о посольстве «хакана» «народа Рос», отправленном в Византию к императору Феофилу, а оттуда, из Константинополя, попавшем в Германию, в Ингельгейм, — первое достоверное известие о начале русского государства на берегах Днепра.

В те далёкие времена начали складываться три центра древней Руси. Арабские писатели называют эти три центра Куявией, Славией и Артанией. В Куявии (или Куябе) нетрудно усмотреть Киев, среднеднепровское государственное образование древних руссов, в Славии — область ильменских словен, центром которой стал Новгород. Что же касается Артании, то она находилась где-то на юго-востоке, у Крыма или на территории Северного Кавказа, на Тамани. Некоторые исследователи помещают её на Волге.

Вначале все эти три центра древней Руси существовали самостоятельно и были слабо связаны друг с другом. Область Куявии, как мы уже видели, некоторое время находилась под властью хозар, а территория Славии и сопредельных земель в первой половине IX в. подвергалась систематическим нападениям со стороны выходцев из Скандинавии — варяжских викингов. Варяжские «искатели славы и добычи» (К. Маркс) совершали грабительские походы в области, заселённые славянскими племенами ильменских словен и кривичей, а также чудью (эстами), весью и мерей (нлеме-

нами, родственными современным вепсам и марийцам).

Память об этом времени дошла в виде народного сказания о том, как варяги «из-за моря» напали на северо-западные земли Руси и «имали» дань.

Подобно тому как для борьбы за свою независимость против хозар объединились среднеднепровские племена, так для борьбы с грабителями-варягами объединились славянские и неславянские племена Севера и Запада Восточной Европы.

Варяги были прогнаны. Их грабительские налёты прекратились. И во второй половине IX в. варяги на Руси выступают лишь в роли купцов и воинов-наёмников, а варяжские предводители сливаются с русской знатью — князьями и боярами, — воспринимают её язык и обычаи, русифицируются и теряют следы своего норманского, скандинавского происхождения.

В середине IX в. складывается на всём своём огромном протяжении великий водный путь «из варяг в греки», главной артерией которого были Волхов и Днепр, а вместе с этим во второй половине IX в. оба крупнейшие города древней Руси — Киев и Новгород, — стоявшие на пути «из варяг в греки», объединяются в единое государство. Летописная традиция связывает это величайшей значимости явление в русской истории с именем знаменитого Олега, Олега Вещего, чья жизнь и деятельность стали достоянием русских легенд и скандинавских саг.

С именем Олега летопись и договоры русских с греками связали поход на Византию, закончившийся поражением Византии и блестящей победой русского оружия. Этот поход тоже стал сюжетом народных преданий и с течением времени оброс сказочными подробностями.

Олег начал объединение под властью Киева, «матери градом Русьским», славянских племён, строил города, собирал «воев». Это было время начала расцвета Руси. Своими походами по Чёрному морю, в Византию, своими договорами с Византией, звоном своих мечей у стен Царьграда (Константинополя), Русь возвестила о начале киевского периода в своей истории.

Преемник Олега Игорь (912—945 гг.) продолжал объединение под своей властью земель восточных славян (древлян и уличей). В его времена были предприняты походы на города Каспийского побережья, и на некоторое время русские заняли крупнейший торговый город Закавказья Бердаа. Игорь ходил на Византию и заключил с императором Романом новый договор (944 г.), правда, не столь выгодный для русских, как договор Олега. Во времена Игоря власть русского князя распространилась далеко на юго-запад, до Чёрного моря и Дуная, где жило русское племя тиверцев, и на юго-восток, где в низовьях Дона и в восточной части Крыма лежали земли, зависящие от киевского князя. После смерти Игоря, убитого восставшими древлянами в 945 г., за малолетнего сына Святослава правила Ольга, вдова Игоря. Ольга всё вни-

вание уделяет «устроению» русской земли. По всей Руси она устанавливает свою княжескую администрацию, упорядочивает сбор дани, вводя административно-налоговые единицы — «погосты», «уставы» и «уроки» и одновременно расширяя своё княжеское хозяйство. Всюду её сёла, «места», «ловища» и «перевесища» (промыслово-охотничьи угодья). Ольга первая из княжеской династии «рюриковичей» приняла христианство. С целью укрепления международного положения Руси и распространения христианства, превращения его в господствующую религию, она предприняла поездку в Царьград, где была принята византийским императором Константином Багрянородным, а в 959 г. отправила с этой же целью посольство к королю (впоследствии императору) Отгону.

«Устроением» земли Русской, т. е. укреплением княжеской власти, государственности, она подготовила почву для войн и походов великого русского полководца древности Святослава. Когда Святослав начал княжить (964 г.), перед Русью стояла задача — освободить от власти хозарского кагана те русские земли, население которых, в частности племя вятичей, ещё продолжало платить дань хозарам, разгромить Хозарию, постоянно угрожавшую Руси и отрезавшую её от стран Востока, и выйти на Волгу, на побережье Чёрного моря. С этой целью в 964—966 гг. Святослав предпринимает походы на восток, закончившиеся разгромом Хозарии, взятием хозарской столицы Итиля, хозарской крепости Саркела (Белой Вежи) и дру-

гих городов, освобождением вятичей от власти хозар, укреплением за Русью Таманского полуострова и созданием здесь русского Тмутараканского княжества. Вскоре после этого Святослав, заключив соглашение с византийским императором Никифором Фокой, начинает войну с дунайскими болгарами и в короткий срок завоёвывает почти всю Восточную Болгарию.

Увидев, каких успехов добился Святослав, Византия вначале пыталась отвлечь внимание Святослава, приступившего к созданию огромной славянской русско-болгарской державы от Ладоги и Невы до Дуная и Балкан, натравив кочевников печенегов на Киев, а затем, при императоре Иоанне Цимисхии, начала военные действия против русских.

В течение всей весны и лета 971 г. шла ожесточённая борьба. Отрезанные от Руси византийским флотом, вошедшим в Дунай, русские воины Святослава, несмотря на численное превосходство противника, героически сражались у Преславы, у стен осаждённого византийцами Доростола. Великой славой покрыли себя русские воины и богатыри — Святослав, Сфенкель, Икмор. «У нас нет обычая посрамлёнными возвращаться в своё отечество, но или победить, или умереть, сражаясь», — говорил Святослав. «Ляжем костями, но не посрамям земли русской, мертвые бо сраму не имеют.» И отвечали ему дружинники: «Где ты, князь, свою, там и мы свои головы сложим».

Только видя полную невозможность дальней-

щего сопротивления, Святослав вступил в переговоры с императором Иоанном Цимисхием и заключил с ним договор. Русские вернулись обратно. В пути Святослав был убит печенегами.

После смерти Святослава (972 г.) некоторое время в Киеве княжил его старший сын Ярополк, а с 980 г. другой сын — Владимир.

Высшего расцвета Киевская Русь достигла в княжение Владимира Святославича, былинного Владимира Красное Солнышко. Княжение Владимира (980—1015 гг.) — время славных походов, героический период в истории русского народа. Он отразился в древнерусских былинах о богатырях земли русской — «сыне крестьянском» Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алёше Поповиче. Не случайно русский народ в своих былинах, — а былина — это история народа, рассказанная им самим, — связал богатырский эпос со «стольным градом Киевом», с князем Владимиром. В войнах и походах росла русская земля. Владимир завершает объединение всех русских земель в единое государство. Он отбивает у «ляхов» (поляков) временно захваченные ими «Червенские грады» (города), земли, лежавшие у Карпат, присоединяет к Руси земли хорватов, живших в Прикарпатье, земли вятичей, лежавшие по Оке, распространяет власть киевского князя на землю радимичей, живших по реке Сожу.

Русь простиралась теперь от Прибалтики до черноморских степей и далёкой Тмутаракани, от Оки и Белоозера до Карпат, Дуная и глухих ят-

вяжских (литовских) лесов. Русские дружины со славой прошли от Камы до Малой Азии, от болотистых лесов Прибалтики до залитого солнцем Корсуня (Херсонеса), вписав славную страницу в историю русского народа.

Владимир укрепляет рубежи земли Русской. Для борьбы с печенегами он строит города по Суле, Стугне, Трубежу, Остру, населяя их воинами, набранными из разных земель Руси. Так была создана мощная укрепленная линия, прикрывавшая Киев с юга, со стороны степей. Владимир не только воюет и не только о «ратных» делах совещается со своей дружиной. Они обсуждают вопросы укрепления государственности, думают о «строе земленем» и об «уставе земленем», т. е. о «земских», внутренних делах, об «устроении» Руси. Изменяются формы общественных отношений на Руси. Русь полупатриархальная-полуфеодалная всё быстрее и быстрее идёт по пути феодализации. Растёт неравенство. Усложняется классовая структура древнерусского общества. Возникают и развиваются феодальные отношения. Появляются различные категории зависимого люда — челядь, холопы и т. д. — эксплуатируемого социальной верхушкой — «великими и светлыми» князьями, боярами, дружинниками, всякой «нарочитой чадью», «лучшими людьми». Усложняется организация господства зарождающегося класса феодалов. Всё это приводит к сдвигам в идеологии общества, а это должно было отразиться прежде всего на религии, так как в те времена она была главной фор-

мой идеологии. Первые попытки Владимира провести реформу старой языческой религии, возникшей ещё во времена первобытно-общинного общества, в эпоху родового строя, не увенчались успехом. И Владимир, приняв христианство сам, обращает в христианскую религию всё население русской земли.

Крещение Руси имело огромное значение в истории русского народа. Русь приобщилась к цивилизации христианского мира, укрепила свой авторитет. Вместе с тем христианская церковь стала орудием в руках князя, а христианская мораль охватила устой классового общества.

Продолжает расти и крепнуть Киевское государство и при Ярославе Мудром, сыне Владимира Красное Солнышко (1015—1054 гг.). Укрепляется международное положение Руси. Швеция, Норвегия, Дания, Германия, Польша, Венгрия, Чехия, Франция, Англия, Византия прислушиваются к голосу Киева, шлют послов на Русь, их короли и императоры роднятся с киевскими князьями. Митрополит Илларион, упоминая о киевских князьях Игоре, Святославе, Владимире, писал: «Не в плохой стране, и в неведомой земле были они владыками, но в Русской, которая ведома и слышима во всех концах земли».

* * *

С честью и мужеством отстаивал русский народ свою землю, и с давних пор одной из форм его борьбы за независимость были народные движе-

ния против иноземных захватчиков. Они представляли собой прообраз партизанской борьбы. Конечно, нельзя думать, что в древней Руси партизанское движение могло приобрести те формы и тот размах, которые характеризуют сопротивление русского народа и его борьбу с иноземными захватчиками в XVII—XVIII, а тем более в XIX—XX вв.

Древняя Русь была «скоропелой, скроенной рюриковичами из лоскутьев» (К. Маркс) державой, связи её отдельных областей друг с другом были очень слабы, русская народность только начала складываться, только зарождалось национальное самосознание. Всё это не могло не привести к местному характеру народных движений против иноземных захватчиков.

В этих движениях мы не можем не признать предтечей партизанской борьбы XIX—XX вв. постольку, поскольку они характеризуются чертами, определяющими собой партизанское движение. Это были вооружённые выступления народных масс — «сельского людя», смердов, «простой чади», «чёрных людей» — горожан, — направленные против иноземных захватчиков, вторгшихся в пределы русской земли, причём выступления не в рядах княжеских дружин или городских ополчений, «полков», а в отрядах, возникавших по инициативе «простой чади» (простых людей) помимо воли князей, а иногда и против неё. Формы этих выступлений различны — от избиения захватчиков, вторгшихся в родной край, «отай», т. е. тайно, быть может даже поодиночке, до восстания по всей земле, от орга-

низованных отрядов, хорошо вооружённых, состоящих из опытных воинов, до истребления «ворогов» по дорогам и сёлам восставшими смердами.

Ещё во времена, непосредственно последовавшие за смертью Владимира Святославича, былинного Владимира Красное Солнышко, русские люди земли Киевской впервые, судя по летописи и свидетельствам иноземцев, выступили с оружием в руках против интервентов. Этими интервентами были «ляхи». Сын, вернее пасынок, Владимира Святополк был женат на дочери польского короля Болеслава Храброго.⁴ Это было время быстрого роста могущества Польши, стремившейся отбить у Руси присоединённые ещё Владимиром «Червенские грады» (Прикарпатье). И в планах Болеслава в этом отношении женитьба Святополка на его дочери играла немаловажную роль. Вместе с дочерью польского короля приехал на Русь католический епископ Колобрежский Рейнберн, родом немец. С их помощью Болеславу удалось втянуть в свои сети Святополка. Сидевший в Турове, болотистом, покрытом дремучим лесом, захолустье Руси, Святополк, естественно, имел основания быть недовольным и ожидать лучшего будущего. Это будущее в виде Киевского княжеского стола и обещал своему обиженному зятю Болеслав, требуя от него уступки «Червенских градов». Епископ Рейнберн начал плести нити заговора. Кто знает, быть может, ставленник Болеслава в конце концов откажется от греческой веры и, приняв католиче-

ство, отдаст под покровительство папы всю русскую церковь?

Рейнберн умело использовал недовольство Святополка и натравливал пасынка на отчима. Владимир узнал об инспирированном Болеславом заговоре Святополка, его жены и епископа Рейнберна, и, по свидетельству Титмара Мерзебургского, все трое были арестованы и заключены в темницу. В темнице Рейнберн пытался было продолжать свою «миссионерскую» деятельность, но вскоре умер. Жена Святополка попала позднее в руки Ярослава Мудрого, и, несмотря на просьбы Болеслава обменять её на мачеху и сестёр Ярослава, захваченных поляками в Киеве, она всё же, по видимому, была оставлена на Руси. Святополк же был, очевидно, выпущен из темницы, но находился под наблюдением Владимира и его «мужей», живя в Киеве или Вышгороде. Все эти события произошли незадолго до 1013 г.

Узнав о провале своих планов на Руси, Болеслав заключает договор с германским императором и в 1013 г. со вспомогательным войском из немцев и печенегов идёт походом на Русь, чтобы отомстить Владимиру за расправу со Святополком и своей дочерью и, попутно, захватить желанные «Червенские грады». Поход этот был неудачен. Болеславу, правда, удалось вторгнуться в пределы западнорусских земель, но вскоре печенеги отказались ему повиноваться, и Болеслав приказал их всех перебить. «Ляхи» вернулись обратно.

Но вскоре Болеславу снова удалось вмешаться

в русские дела. В 1015 г. закатилось «Красное Солнышко» земли Русской: умер Владимир Святославич. Убив трёх своих братьев — Бориса, Глеба и Святослава, Святополк становится киевским князем. Казалось, имея поддержку в лице Болеслава, устранив своих соперников, Святополк мог рассчитывать на успех своей авантюры. Но с севера ужешло войско Ярослава Владимировича, Ярослава Мудрого. Шли новгородские «вои», шли наёмники-варяги. Глубокой осенью 1017 г. у Любеча, на Днепре, Святополк со своим войском и печенежской ордой был разбит и бежал сначала в степи, к печенегам, а затем к своему тестю, в Польшу. В Киеве вокняжился Ярослав. Неудача Святополка заставила Болеслава действовать энергичнее. Он заключает союз с германским императором и, обеспечив свои западные границы, с войском из «ляхов», наёмников немцев (300 человек) и венгров (500 человек), вместе со Святополком, приведшим вновь печенежское войско, вторгается на Русь. Битва 22 июля 1018 г. под г. Волынем была неудачной для Ярослава. Его войско было разбито. Болеслав с Святополком стремительно шли к Киеву. Титмар Мерзебургский и Мартин Галл с рядом красочных, легендарных подробностей рассказывают об этом походе. Они сообщают, что якобы поводом к походу Болеслава послужил отказ Ярослава выдать за него замуж сестру, что по дороге Святополка и «ляхов» Болеслава приветливо встречало население, а в Киеве сам епископ, что, вступая в Киев, Болеслав ударил

мечом по Золотым Воротам, которых, кстати сказать, в те времена ещё не было. Всё это относится к поэтическим вымыслам, сложившимся на основе рассказов и песен поляков и немцев, участников похода 1018 г. Эти песни и рассказы послужили источником и для Титмара Мерзебургского и для Мартина Галла и в их изложении приобрели совершенно определённую политическую окраску, так как тенденциозность обоих источников не вызывает сомнений.

В Киеве в руки Болеслава попала родня Ярослава — его мачеха и сёстры — и огромное количество всяких ценностей. Болеслав, его «ляхи» и наёмники немцы и венгры торжествовали. Но торжество было преждевременным. Наша летопись сообщает: «и рече Болеслав: «разведете дружину мою по городом на покорьмъ», и бысть тако» и далее: «...Святополк рече: «елико же ляхов по городом, избивайте я», и избиша ляхи. Болеслав же побеже ис Кыева, възма именье и бояры Ярославле и сестре его, и Настаса пристави Десятиньнаго ко именью, бе бо ся ему вверил лестью, и людей множество веде с собой, и города Червеньскыя зая себе, и приде в свою землю». ⁵

В этом сообщении летописи исследователи видели позднейшую вставку, вписанную летописцем по аналогии с позднейшими событиями того же XI в., когда «ляхов» избивали «отай». Они же считали, что восстания против «ляхов» не было, так как Болеслав пробыл в Киеве недолго и спокойно ушёл, забрав с собой родственниц Яро-

слава, его бояр, «людей множество» и огромное количество ценностей. Такой вывод можно сделать из сообщения Титмара Мерзебургского.

Однако приведённое свидетельство летописца заслуживает внимания и большего доверия, чем тенденциозные сообщения Титмара и, особенно, Мартина Галла. Пленение бояр и «людей множества» подтверждается тем, что Казимир Польский возвращает позднее Ярославу 800 русских пленников, которые прожили в Польше 25 лет. Болеслав занял не только Червенские города, но и Берестье, отбитые затем у Польши вновь Ярославом. Действительно, Болеслав пробыл в Киеве недолго, не больше месяца, но нет ничего невозможного в том, что распущенных «по городом» поляков, немцев и венгров Болеслава, во время его пребывания в Киеве или уже после ухода, когда часть своего войска он оставил в подмогу зятю, киевляне перебили. Народная память связала потом это избиение «ляхов» с именем Святополка и, повидимому, ошибочно, так как вряд ли Святополк решился бы на подобный поступок в отношении войск своего тестя, от которого он целиком зависел. Это сообщение летописи о том, как русские люди Киевской земли «избиша ляхи», и следует считать первым известным нам народным выступлением против иноземных захватчиков, ибо избивали «ляхов», несомненно, не воины Святополка и вообще не дружинники, а те, для кого «покорм ляхов» «по городом» означал грабёж, насилия, издевательства, убийства, т. е. «простая чадь» горо-

дов Руси, простые русские люди, вооружившиеся чем попало для борьбы с «ворогом», вторгшимся в их родной край.⁶ А вскоре, в кровавой битве на реке Альте, весной 1019 г. Святополк был разбит. Попытка «ляхов» посадить своего ставленика в русской земле не увенчалась успехом. Старинное предание, записанное летописцем, говорит о том, как после битвы на Альте Святополк «...пробежа в Лядскую землю, гоним божьим гневом, прибежа в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже зле живот свой в том месте». «Есть же могила его в пустыни и до сего дня, исходить же от нея смрад зол».⁷

За убийство братьев и измену родине в народную память Святополк вошёл с прозвищем «Окаянного», его же противник Ярослав получил название «Мудрого».

Порой историк вводит в заблужденье,
Но песнь народная звучит в сердцах людей.

(Байрон, «Чайльд Гарольд».)

Прошло много лет. После смерти Ярослава начался «закат готической России» (К. Маркс).^{*} «Нестроение» на Руси, «княжая котора» (усобица) ослабляли землю Русскую. Первое время по смерти Ярослава (1054 г.), когда три старших

* «Готической Россией» К. Маркс называет Русь эпохи военной демократии, Русь полупатриархальную-полуфеодальную, Русь периода раннего средневековья, соответствующего так называемому «готическому периоду» в истории Западной Европы.

ярославича — Изяслав, Святослав и Всеволод жили в дружбе, Русь ещё не знала «браней» княжеских и пребывала в «покое». Но скоро начались новые беды. В 1068 г. «придоша иноплеменьници на Руську землю, Половци мнози», и на берегах Альты дружины Изяслава, Святослава и Всеволода были разбиты. Изяслав с Всеволодом бежали в Киев, Святослав — в Чернигов. Половцы рассыпались по Руси. Горели города и сёла, вытаптывались посевы, толпы русских уводились в «полон» в половецкие «вежи» (становища). На древнем великом водном пути «из варяг в греки», на берегах Днепра-Славутича появились хищные воинственные кочевники. Путь в Византию был перерезан. Купцы-«гречники»* не могли продолжать «торг». К Киеву потянулись толпы беженцев. Над городом нависла серьёзная опасность. И вот «люде Киевстии прибегоша Киеву, и створиша вече на торговищи, и реша, пославшеся ко князю: «се Половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними».⁸

Кто были эти «люде Киевстии»? Это были, прежде всего, простые люди киевских пригородов и окрестных сёл и деревень. Это их испугало то, что «половци росулися» (рассыпались) по всей Киевской земле, угрожая их имуществу и жизни. Они, в отличие от княжеских дружинников не имевшие ни оружия, ни боевых коней, требовали

* «Гречниками» называли на Руси купцов, торговавших с Византией (Грецией).

у князя и то и другое, заявляя, что они будут биться до последней капли крови. Если князь с дружиной мог отсидеться за стенами Киева и, наконец, уйти, то им уходить было некуда: они видели пожары соседних городков и сёл и ждали своей участи, но ждали её не пассивно — они хотели сражаться и требовали оружия. Эти «людые Киевстии» были «простой чадью» Киева, «матери градом Русьским», ремесленниками, закабалёнными людьми и прочим «чёрным людом». Им тоже некуда было уйти, и они требовали оружия, стремясь стать грудью на защиту родного города. Среди них были и киевские «вои» (земское ополчение), разбитые на Альте, но стремившиеся продолжать борьбу, и, наконец, купцы, перепуганные не только нашествием половцев, но и тем, что путь «из варяг в греки» оказался перерезанным половцами. Они не могли простить Изяславу его неудачи и требовали продолжения борьбы. Они, правда, могли уйти и угрожали впоследствии, что если Киеву будет причинён ущерб от «ляхов» и «людые Киевстии» пострадают, они «ступят в Гречьску землю».

Таковы были те «кыяне», которые, получив приказ от Изяслава в ответ на просьбу вооружить их, пришли с веча «на гору», в аристократическую часть Киева, ворвались во двор воеводы Коснячко, но, не найдя его там, собрались у двора Брячислава и двинулись: одна часть — «высадить» свою дружину из «поруба» (тюрьмы), а другая — во двор к Изяславу, где и разгорелась «пря»

(спор) между «княнами», которым Изяслав уже успел чем-то досадить и заключить в «поруб» их дружину, и князем, трусливо прятавшимся за спинами своих дружинников и бранившим своих подданных через «оконце». Увидев, что Изяслав не хочет выполнить их справедливые требования, восставшие киевляне освободили из «поруба» полоцкого князя Всеслава, заключённого в темницу его соперниками ярославичами, и провозгласили его своим князем. Изяслав бежал в Польшу. Княжеский двор был разгромлён. «Безчисленное множество золота и серебра, кунами и белью» было разобрано восставшими. Так закончился памятный летописцу день 15 сентября 1068 г.

Как видим, восстание разворачивается последовательно и целеустремлённо. «Простая чадь», «людые Киевстии» требовали от Изяслава решительных действий, энергичной обороны Киевской земли. Опасаясь возмущённого народа, Изяслав боялся дать ему в руки оружие. В годину тяжких испытаний Изяслав не проявил мужества, и народ его сверг, посадив на княжий стол в Киеве полоцкого князя Всеслава. Требовали оружия, искали с недобрыми намерениями воеводу Коснячко, который как тысяцкий, т. е. глава ополчения «клян», «не радел» о земле Русской, препираясь с Изяславом, и «высекали» своих товарищей и Всеслава из «поруба» простые, чёрные люди, «простая чадь», которую официальная летопись называет людьми «злыми». ⁹

Изяслав бежал в Польшу. С Болеславом Сме-

лым, польским королём, он был связан двойными узами родства. Он был племянником матери Болеслава Смелого (мать Болеслава Мария Доброгнева, жена Казимира, была сестрой Ярослава) и мужем его тётки (жена Изяслава—дочь Мешка II, сестра Казимира). Болеслав не замедлил оказать помощь Изяславу, и в 1069 г. польское войско двинулось на Русь. У Белгорода сошлись «ляхи» Болеслава и «кияне» Всеслава, но Всеслав ночью бежал. Киевляне немедленно отправили послов к Святославу и Всеволоду. Послы сообщили князьям, что если они не заступятся за «киян» перед Изяславом, который ведёт с собой «Лядскую землю», они сожгут Киев и уйдут в Византию. Святослав и Всеволод посоветовали им, если Изяслав будет продолжать вести на Киев «ляхов» выйти «противу ему ратью», но «аще ли хочеть с миром, то в мале придет дружине». Со своей стороны они отправили к нему гонцов и потребовали от него: «...не води ляхов Киеву».

Изяслав вынужден был послушаться «и остави Ляхы и поиде с Болеславом, мало ляхов поим...». В город вошла прежде всего дружина Мстислава Изяславича. И, не сдержав своего слова, князья сейчас же начали расправу. Мстислав убил 70 «киян», «иже беша высекли (освободили) Всеслава», многих ослепил. Пострадало немало и невинных, которых он «погуби, не испытав» (не выяснив виновности). Поверившие слову Изяслава киевляне не могли сразу же организовать отпор и вынуждены были смириться.

Так снова вокняжился в Киеве Изяслав.

Болеслав чувствовал себя хозяином в Киеве. Мартин Галл рассказывает о том, что Болеслав поцеловал, не сходя с коня, Изяслава и потряс его за бороду в знак того, что русский князь становится его вассалом. За этот поцелуй Изяслав должен был заплатить столько марок золота, сколько было шагов от польского лагеря до места встречи. Чувствовали себя хозяевами на Руси и польские воины Болеслава. Как и в 1018 г., Изяслав и Болеслав «распуща Ляхы на покорм...» В тех «весях и градах», где «кормились» поляки, шёл невиданный грабёж, насилия, надругательства. Почти десятимесячное пребывание поляков в районе Киева (поляки зазимовали на Руси) не могло пройти для них безнаказанно. Грабёж и произвол поляков должен был отметить даже позднейший средневековый польский историк Длугош.

И «кияне» поднялись. Это не было открытое восстание. «И избиваху Ляхы отай» — сообщает наша летопись. Но даже эти убийства «отай», в которых нетрудно усмотреть народное движение, выступление народных масс против иноземных захватчиков, приняло такой широкий и массовый характер, что Болеслав очень поспешно «възвратися в Ляхы... в землю свою». ¹⁰

Почему движение киевлян не приняло характера открытого восстания? Повидимому, потому, что наиболее активные элементы из «простой чади», которые могли возглавить движение, были перебиты Мстиславом при вступлении в Киев. Народ-

ное движение, начавшееся 15 сентября 1068 г., уже приходило к концу. Тем не менее даже в этот момент обескровленный террором своих князей «ляшской» ориентации киевский люд нашёл в себе достаточно сил и мужества для того, чтобы «малой», народной войной, вооружённой борьбой, убийствами ненавистных «ляхов»-захватчиков «отай» вынудить интервентов покинуть Русь.

Характерно отметить также и то обстоятельство, что застрельщиками борьбы с захватчиками были народные массы, «людье», «простая чадь».

* * *

Прошло ещё много лет... Давно уже протянулись чуть ли не до самого моря по нижнему течению Западной Двины русские поселения. Здесь стояли русские города Герцике и Кукенойс, лежали земли русских полоцких княжеств. Довольствуясь сбором дани, князья русские не вмешивались в жизнь местного населения: леттов (латышей), летьголы (латгальцев), куров, ливов, селов. Вместе с русскими поселенцами — воинами, купцами, ремесленниками, земледельцами в среду латвийско-литовских и финских племён Прибалтики проникали православная религия, русская культура, русский язык. Распространялось русское влияние. Русские же поселенцы в свою очередь вступали в хозяйственные и культурные связи с местными жителями. Жили мирно, без столкновений и вражды. Так продолжалось до конца XII в., когда алчные

и жадные, коварные и жестокие немецкие «рыцари» (К. Маркс) вслед за бременскими купцами обосновались на нижнем течении Западной Двины. Захватив земли западных славян и превратив цветущий край в пустыню, истребляя славянское население, издревле занимавшее земли по течению Лабы (Эльбы) и Одры (Одера), по побережью Балтийского моря, немцы начали свой знаменитый «Drang nach Osten» («натиск на Восток»), имеющий целью грабёж, захват земель, истребление непокорных, превращение покорившихся в рабов.

Голод и нищету, ограбление и разорение, муки и позор, надругательства и издевательства, рабство и смерть несли немецкие «рыцари» народам Восточной Европы: русским, латышам, литовцам. Не чувствуя себя на первых порах достаточно сильными для того, чтобы обнажить меч, «рыцари» торговали с ливами и курами, леттами и селами, заискивали перед полоцким князем Владимиром. Но постепенно немцы становились всё наглее и наглее. Они жгли литовские сёла, копытами рыцарских лошадей вытаптывались посева. Держа в одной руке крест, а в другой обагрённую кровью «язычников» меч, любой представитель рыцарской «крестоносной сволочи» (К. Маркс) считал себя повелителем и господином. Епископы «спасают души язычников», но не «столько душ ищут для бога, сколько земель их для себя». Обливалась кровью и полыхала в зареве пожаров Ливония. Рыцари шли всё дальше и дальше на восток. Из сто-

лицы Ордена Риги, из Гольма и Икскюля «божьи дворяне», меченосцы, рыцари — братья ордена святой Марии растекаются по всей Прибалтике, предавая огню и мечу цветущий, густо заселённый край.

Но уже в 90-х гг. XII в. натиск немцев встретил решительный отпор со стороны русских. С немцами воевали полоцкий князь Владимир; князь Герцике Всеволод, впоследствии изменник, перешедший на сторону немцев и принявший католичество; заклятый враг Ордена куkenойский князь Вячко, прозванный немцами за отчаянную смелость и стойкость «настоящим дьяволом»; Александр Невский, «страдалец (борец) за землю русскую», «солнце земли Русской». Это была война, которую вели княжеские дружины и набираемые князьями народные ополчения, «шльки» всякого рода «воев». Но наряду с героической обороной города Юрьева (Тарту) Вячко, с историческим «Ледовым побоищем», когда немецкий «Drang nach Osten» впервые в истории был приостановлен, и приостановлен именно русскими войсками, когда немецкие «прохвосты (die Lumpacii) были окончательно отброшены от русской границы» (К. Маркс), источники сохранили нам, правда весьма малочисленные и неясные, но очень ценные сообщения о народных вооружённых выступлениях против немецких рыцарей.

В немецкой «Рифмованной Хронике» (XIII в.) говорится о столкновении между немцами с одной стороны, русскими и литовцами с другой. Это

столкновение имело место ещё в 90-х гг. XII в. у Куkenойса (Кокенгаузена) и обошлось немцам в 300 человек убитыми. Ни «Хроника» Генриха Латвийского, ни «Рифмованная Хроника», ни наши летописи не говорят о каком-либо походе на немцев, предпринятом в это время кем-либо из полоцких князей, и мы вправе предполагать, что сражение у Куkenойса было делом инициативы самих русских людей и их союзников в борьбе с немцами — литовцев.

Постоянный союз русских с ливами, семигалами («земиголой» наших летописей), леттами, селами, летьголой, союз, направленный против немецких захватчиков, становится обычным явлением в политической жизни Прибалтики. Когда немцы укреплялись во вновь завоёванной ими земле, как это имело место, например, после взятия ими Куkenойса, русские, «летгалы и селы, жившие там, скрылись в тёмные лесные трущобы», откуда продолжали совершать нападения на рыцарей.

Когда в 1240 г. пал Псков, и в городе и в окрестностях его стали хозяйничать немецкие «рыцари», много псковичей бежало в Новгород, а так как «нелзе бяше орати (пахать) по селом и нечим» вместе с горожанами бежало и псковское крестьянство. Укрывшиеся по сёлам и оврагам, по болотам и чащам крестьяне беспокоили своими действиями немецких захватчиков.

Ненависть к грабителям-немцам, к кровожадным и алчным «рыцарям» Ливонского ордена, которую питали жители новгородской, псковской и водской

земель, познакомившись со всеми ужасами немецкого нашествия, подготовила тот великий патриотический подъём, который вылился в победу на льду Чудского озера в исторический день 5 апреля 1242 г. Именно ненависть к немецким захватчикам исполнила воинов Александра Невского «духа ратна, и бяше сердца им, аки львом». ¹¹

*

В те годы, когда рука об руку с латышами, латгальцами и эстонцами дрались с немецкими рыцарями в дремучих лесах Прибалтики славные русские воины полоцких земель, на далёком юго-западе, у склонов лесистых Карпатских гор, на берегах быстрого Черемоша и Сана, русские люди земли Галицкой, Червонной Руси с оружием в руках отстаивали свой край от «угров» и «ляхов». Издавна привлекали к себе взоры угров и ляхов богатая и плодородная Червонная Русь, плодородные поля и тучные нивы Понизья, обильная зверем и рыбой Галицкая Украина, пастбища Горной страны (Карпат), старинные многолюдные торговые города.

В 1189 г., воспользовавшись усобицей в Галицком княжестве, венгерский король Бела III схватил галицкого князя Владимира Ярославича и отправил его в Венгрию, а в Галиче посадил своего сына Андрея. Венгерские захватчики занимали один за другим «Червенские грады». Но не сдавалась Червонная Русь. «...Послашася Галичкнии

мужи к Ростиславу к Берладничю, зовущие его к себе в Гальчь на княжение.»¹²

Сын популярного в Галиче князя Ивана Ростиславича Берладника, возглавлявшего ряд восставших галицких горожан, смердов и берладников, прошедшего огнём и мечом во главе отрядов повстанцев всё Дунайское Понизье от самых гирл до Ущицы, человека, чья красочная биография, несомненно, породила легенды и сказания, в представлении галичан был защитником их прав, их независимости. Не случайно в трудную минуту, в тяжкую годину венгерской оккупации выбор их пал на Ростислава Ивановича Берладника. Из далёкого Смоленска Ростислав Иванович «вборзе» едет на юг, вступает на территорию «Украины Галичской», занимает два города и оттуда направляется к Галичу.

Среди галицкого боярства началось «нестроеие». «Мужи же Галичкнии не бяхуть вси во одной мысли...» Те бояре, которые служили венгерскому королевичу Андрею, «чии бяхуть сынове и братья у короля, то ти держахуться крепко по королевичи».¹³

Узнав о том, что на Галич идёт сын популярного в народе Ивана Берладника, Ростислав, венгры начали спешно готовиться к обороне. Через Карпаты переваливали полки, посланные королём Белой на помощь своему сыну в русский Галич, где Андрей поспешно приводил к присяге галицких бояр, «не имя им веры».

«Нестроение» среди галицкого боярства сыграло

большую роль в ходе событий. Когда Ростислав Берладнич вёл переговоры с посланцами Галича, он рассчитывал на помощь всех галицких бояр, которые должны были, — так во всяком случае обещали посланники галичан, — как только он подойдёт к Галичу, «узревше полк его отступить от королевича» и перейти на его сторону для того, чтобы вместе обрушиться на венгров Андрея. Но многие галицкие бояре, издавна стремившиеся к ограничению князя и ослаблению его власти, предпочли служить венгерскому королевичу, который вводил в Галиче порядки, характерные для его родной «Угорщины», где магнаты пользовались исключительными привилегиями и независимостью. Некоторые галицкие бояре предпочитали отдать свою Галицкую, русскую землю, венграм, лишь бы стать такими же баронами, графами, нобилитетом, как и венгерские магнаты.

И поэтому, когда Ростислав «в мале дружине» подошёл к Галичу, только «неколко мужь Галицких» перешло на его сторону. Дружинники Ростислава советовали ему отступить: силы были явно неравные. Но Берладнич категорически отказался, заявляя, что он хочет в бою «...голову свою положить во отчине своей». В сражении с венгерскими войсками и полками галицких бояр-изменников Ростислав был разбит. Он был сбит с коня и, тяжело раненный, чуть живой, привезён венграми в Галич. Дружина его была разгромлена. Весть о том, что угры привезли в город раненого Ростислава, сына популярного Ивана Берладника, Рос-

тислава, которого они звали в город княжить и помочь им бороться против ненавистных угров, быстро разнеслась среди горожан.

Поднялось восстание. «Галичини же возмятошася, хотяче взяти его у Угор и прияти собе на княжение». Опасность для венгров была настолько реальной, что они сразу же прибегли к самым решительным мерам. Опасаясь развития движения, боясь народного гнева, венгры решили устранить повод к восстанию. Они «приложивше зелье смертное к ранам» Ростислава «и с того умре».

Летопись не сообщает нам о том, как было подавлено народное восстание, но, повидимому, со смертью своего вождя галичане временно покорились своей участи, и движение было ликвидировано силой оружия венгерских захватчиков.

«И почаша насилье деяти во всемь: и у мужей Галичких почаша отъимати жены и дщери на постеле к собе, и в божницах почаша кони ставляти и в избах, иная многа насилья деяти. Галичани же почаша тужити велми. . .»¹⁶ Но в скором времени в Галич вернулся князь Владимир Ярославич и изгнал из стольного града Червонной Руси захватчиков-венгров.

Прошло несколько лет, и снова галичане не в княжеских дружинах воинами, а повстанцами и партизанами скрестили своё оружие с ненавистными уграми. Снова Червонная Русь оказалась под властью угров и ляхов. Венгерский король Андрей II и польский краковский князь Лешко Белый поделили между собой Галицкую землю.

Это было в 1214 г. Под этим годом Воскресенская летопись сообщает: «Король Угорский посади сына своего в Галичи, а епископы и попы изгна из церкви, а свои попы приведе латыньские на службу». ¹⁵ Ей вторит Никоновская летопись: «Того же лета Угорский король (Андрей) посади сына своего (Коломана) в Галиче, и церкви претвори в латынскую службу». ¹⁶

И снова галичане решительно выступили против венгров. Нарушение прав русской церкви, изгнание православного духовенства из Галича усиливало возмущение народа. Православная вера и церковь были одним из признаков русской народности той поры, и тем более понятна борьба за их сохранение. ¹⁷

Наши летописи не сохранили воспоминаний об этой борьбе, но о ней говорит письмо венгерского короля Андрея римскому папе Иннокентию, написанное им осенью 1215 г.

Андрей писал: «В последнее время галицкий народ не только отошёл от своего короля (!), нарушивши присягу, но и, собрав войско в соседних русских землях, обложил галицкий замок, где находился наш сын с небольшим войском». ¹⁸

Народное движение приняло столь серьёзный характер, что Андрей не решился отпустить в Галич папского епископа, направлявшегося в Галичину для обращения местного населения в католичество.

Вскоре в Галицком княжестве появился знаменитый Мстислав Мстиславич Удалой, князь То-

ропецкий, княживший до этого в Новгороде. Вместе с Даниилом Романовичем, галицким князем, он продолжал борьбу с венграми и поляками. Разбив венгерского воеводу, «прегордого Филю» (Фильния), Мстислав Удалой и Даниил Романович подошли к Галичу. Благодаря поддержке горожан город был взят сравнительно легко, но венгры во главе с Коломаном отошли в укреплённую ими церковь и там пытались организовать оборону. Часть венгров пыталась бежать, но горожане ловили их коней и всячески препятствовали бегству венгров. Восставшие горожане были серьёзной поддержкой для дружинников Мстислава Удалого и Даниила Романовича. Венгры это тоже сознавали и «стреляючи и камение мещюци на гражаны». ¹⁹

Окружённые, лишённые воды, истекающие кровью в борьбе с восставшими галичанами и княжескими дружинниками, венгры сдались. Взятый в плен Коломан был отправлен в Торческ.

Вся Галицкая земля была охвачена восстанием. Восставшие горожане и крестьяне создавали вооружённые отряды.

В деревнях и сёлах, у предгорий Карпат, в «градах Червенских» поднимался с оружием в руках свободолюбивый народ русский, бил угров и ляхов, вмешавшихся в жизнь Червонной Руси, пытавшихся подчинить её себе. Все дороги были для них закрыты. Каждый русский был их врагом.

«... И бысть радость велика, спас бог от иноплеменьник: вси бо Угре и Ляхове убьене быша,

а инии яти быша, а инии бегающе по земле исто-
поша, друзии же смерды избъене быша, и никому
же утекши от них». ²⁰

Так повествует о борьбе галичан с уграми и ля-
хами Ипатьевская летопись.

Венгры и поляки не раз пытались начать интер-
венцию в Галицкую землю и захватить Червонную
Русь.

С ними воевали Ярослав Осмомысл и Владимир
Ярославич, Роман Мстиславич и Даниил Романо-
вич, Мстислав Удалой и Лев Даниилович, бились
княжеские дружины, но решающее слово всегда
принадлежало самому народу. Благодаря под-
держке средних и мелких бояр, «оружьников»,
горожан, смердов Даниил Романович выходит по-
бедителем из борьбы и добивается освобождения
своей «отчины» от иноземных захватчиков.

«Встань» в Галиче, истребление ляхов и угров
по городам и весям «Горной страны», все эти во-
оружённые выступления народных масс — вот что
чаще всего подрывало силу интервентов и застав-
ляло их уходить из Галичины. И когда летописец
начинает «сказати бесчисленные рати, и великие
труды, и частыя войны, и многия крамолы, и ча-
стая восстания, и многия мятежи...», то среди
этих бесчисленных ратей мы усматриваем и про-
явления подлинного народного движения против
иноземных захватчиков.

* * *

Зима 1237 г... Заревом пожара полыхает русская земля.

Батый подходит к Рязани... Страшная угроза нависла над всей Русью. Но нет единства на Руси, того единства, к которому, чуя опасность, призывал великий патриот древней Руси — автор «Слова о полку Игореве». «Княжие крамолы» опустошают и обескровливают Русь, обессиливают её, делают лёгкой добычей для соседей, и целые области теряет она в результате захвата её земель войсками соседних государств. Теперь двинулись на Русь «в силе тяжцей», «великой» победители русских дружин в битве на Калке — страшные татары. И вёл их сам Батый. «Быть или не быть Рязани, а с нею вместе и всей земле Русской» — так стоял вопрос.

Рязанский князь Юрий Игоревич обращается с просьбой о помощи к владимирскому князю Юрию Всеволодовичу и к черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу. В далёкий Чернигов поехал князь Ингварь Игоревич, а с ним вместе рязанский боярин Евпатий Коловрат. Но отказал в помощи Рязани Юрий Всеволодович, лишь триста воинов набрал в Чернигове герой рязанских сказаний Евпатий Коловрат.

Один на один должна была сражаться с «злым татаринном» Рязань. Орды Батыя с огнём и мечом шли по Рязанской земле. Уже стёрты были с лица земли превращённые в пепелища Белгород, Ижеславец, Борисов-Глебов и другие «грады и веси» Рязанской земли. 16 декабря 1237 г. татары

обложили Рязань. Пять дней без сна и отдыха обивались от «татарского чудища» (К. Маркс) храбрые рязанцы. На шестой день татары ворвались в город, сожгли и разрушили его, а всех жителей перебили. И не стало древней Рязани. «Град и земля рязанская изменися... и отыде слава ея, и не бе что в ней было ведати, токмо дым и земля и пепел» — с горестью повествует летописец.

Татары двинулись на север, в Суздальскую землю, на владимирского великого князя Юрия Всеволодовича.

А в это время к сожжённой Рязани подъезжал отряд черниговцев Евпатия Коловрата. Когда воины подошли к городу, их глазам представилась печальная картина. Вместо «стольного града» Рязанской земли перед ними лежало огромное пепелище, устланное трупами павших в неравной борьбе рязанцев. Было от чего пасть духом. Но Евпатий Коловрат не думал складывать оружия и итти на поклон к всеильным татарам. Его маленький отряд в триста черниговских воинов растёт и усиливается за счёт «охочих людей». Собрав рать в 1700 человек, Евпатий Коловрат начинает героическую партизанскую войну с татарскими захватчиками. Его воины нападают на неприятельские чамбулы (отряды), уничтожают арьергардные отряды батыевых орд, низлагают татарского правителя Таврула, пытавшегося укрепить власть Батыя в разорённой и обезлюдевшей, но не покорённой земле Рязанской.

В отряд славного витязя русского Евпатия Коловрата шли те, кто спасся от кривой татарской сабли, от стрелы татарского лучника, от аркана, от пламени горящих городов и сёл, те, кто предпочитал героическую борьбу с вдесятеро сильнее-шим врагом татарской неволе, истые патриоты, настоящие русские люди.

Действия отряда Евпатия Коловрата вскоре начали беспокоить татар. За их арьергардом постоянно по пятам следовали воины Коловрата, и редели ряды сподвижников Батыя.

Рязанское «Сказание», составленное по народным преданиям Евстафием, священником Зарайской церкви святого Николая, повествует о том, как татары выступили против Евпатия Коловрата, как окружили они русских воинов, как беззаветно дрались мужественные черниговские и рязанские «вои».

«Татарови же возбоаяшася видя Еупатіа крепка исполина (богатыря), и наводиша на Еупатіа множество саней с нарядом и едва одолеша».

Видя, что, несмотря на своё огромное численное превосходство, ни перебить, ни захватить русских в плен не удаётся, татары решили прибегнуть к хитрости. На кучку оставшихся в живых русских кольцом стали надвигаться гружёные сани. За ними шли татарские воины. Кольцо всё сужалось. Стрелы и копья русских оказались бессильны против гружёных саней, и, когда последние вплотную подошлись к русским, татары выскочили из своих подвижных укрытий, и русские воины

Евпатия Коловрата, подавленные численностью татар, были перебиты. Погиб и сам Евпатий Коловрат.

«Сказание» говорит о том, что Батый и его военачальники были поражены необыкновенным мужеством Евпатия и его соратников.

В «Сказании» о Евпатии много легендарного. В частности, вряд ли сам Батый принимал участие в последнем бое Евпатия с татарами. Но события, описанные в «Сказании», произведении, близком к «Слову о полку Игореве» и «Задонщине», не вымышлены и отражают народные предания о действительной борьбе с татарами Батыя славных рязанских и черниговских витязей, «страдальцев за землю Русскую». ²¹

...Где честная могила Евпатия,
Знают ясные зори с курганами,
Знала старая песня про витязя
Да и ту унесло ветром-вихорем!

(Л. Мей. «Песня про Евпатия».)

Соппротивление земли Русской, героическая оборона русских городов обессилили и ослабили татар.

«России определено было высокое предназначение. Её необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабождённую Русь и возвратились в степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией», — писал А. С. Пушкин.

Н. Г. Чернышевский указывал: «Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями — спасителями и от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подергавшейся всем выстрелам, стеною, которую вполовину разбили враги, и другого ига — французов и Наполеона».

И в 1918 г., когда народам молодой советской России германские империалисты несли «новое позорное иго, которое ничуть не лучше старого татарского» (И. В. Сталин), и в наши дни, в дни Великой Отечественной войны советского народа против германского фашизма, снова народом — спасителем цивилизации всей Европы, всего мира, народом — освободителем от германского фашизма, этого величайшего зла, которое когда-либо знало человечество, выступает великий русский народ.

* * *

Татарам не удалось покорить русский народ. Борьба не кончилась. Народные восстания вспыхивали в Новгороде (1259 г.), в Ростове, Суздале и Ярославле (1262 г.), Твери (1327 г.) и в ряде других мест. Борьба с татарами носила и иные формы.

Вильгельм (Гильом) де Рубрук, посол Людовика IX к Менгу-хану, проезжавший в 1253 г. степи между Доном и Волгой, свидетельствует:

«На пути мы ощущали сильный страх: именно русские, венгры и аланы, рабы (подданные? — В. М.) их (татар), число которых у них весьма велико, собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застают ночью. Днём они скрываются, а когда лошади их утомляются, они подбираются ночью к табунам лошадей на пастбищах, обменивают лошадей, одну или двух уводят с собой, чтобы в случае нужды съесть. Наш проводник сильно боялся такой встречи». ²¹

Подобного рода «вольница», прототип позднейшего казачества, в результате татарского погрома и владычества приобретающая особый характер, складывалась на всём протяжении степей от Днепра до Задонских равнин.

Население уходит в леса, в степные балки — овраги, поросшие лесом и густым кустарником. Пашню обрабатывают наспех, на месте пашен появляются «уходы», где ловят зверя и птицу, добывают мёд диких пчёл, пасут скот. Пашня порастает лесом, а на юге — ковылём. Запустевает южная и восточная Русь. Вместо многочисленных городов мелькают лишь «городища» — остатки некогда известных летописцу городов, — да кое-где на «уходах» попадаются становища «севруков», как называлось промысловое население Северной земли, и прочей степной русской «вольницы». При первом же появлении татар они либо исчезают, прячась в недоступных лесах или в сохранившихся городах, либо, собираясь в «ватажки» во главе

со «старейшими» и «атаманами», нападают на небольшие татарские отряды или на пасущих стада татарских чабанов. Идёт «малая», народная война, и из «вольницы» XIII в., на свой страх и риск борющейся с татарами, вырастает казачество XV в.

Первое известное нам по источникам русское казачество возникло в Рязанской земле, на пограничье со степными равнинами Дона. Когда в XIV в. несколько оправилась от страшного Батыева нашествия, «отдохнуша и упочиноша» Русская земля, храбрые рязанцы начали колонизовать обширные пространства чернозёмных степей по Дону и Воронежу. Заселялся Червлёный Яр — степное пространство между Воронежем, Доном, Хопром и Вороной. Здесь лежали границы Рязанской и Сарайской епархии, тянулись тучные чернозёмы, прорезанные реками, степными балками, лесами и перелесками. Сюда и тянуло привычных к опасностям, к вечной угрозе «татарского прихода», к вечной борьбе с татарами рязанцев, народ, по свидетельству Герберштейна, «очень смелый и воинственный».

Сюда, за Дон, «в молодечество», уходили рязанские крестьяне, промысловый люд и здесь складывались они в «ватажки», в казачество. Здесь шла постоянная «малая» война с татарами, и каждый клочок земли был полит кровью и потом русских людей. Здесь были живы традиции Евпатия Коловрата и безвестных русских людей, державших в страхе татар во времена путеше-

ствия Вильгельма де Рубрука. Не случайно именно в Рязанской земле впервые упоминаются в источниках русские казаки. Когда в 1444 г. татарский царевич Мустафа вышел из Рязани (Переяславля Рязанского), для того чтобы дать бой русским ратям, вместе с московской дружиной Василия Оболенского и Андрея Гольяева и мордовскими лыжниками на татар напали вооружённые копьями, рогатинами и саблями рязанские казаки. На лыжах, в глубоком снегу, они храбро сражались с воинством Мустафы, пока, наконец, татары не были истреблены или пленены²³

* * *

С самого начала своей истории, с того момента как русский народ запечатлел свой исторический путь в письменных источниках русского и иноземного происхождения, традиции «малой», народной, партизанской войны оказываются так же глубоко коренящимися в характере русского народа, в его национальных военных качествах, как и свободолюбие, смелость, мужество, стойкость, выносливость и решительность.

В годы лихолетья, когда многочисленный и могущественный враг захватывал русские земли, угрожая независимости и чести русского народа, сохранению накопленного трудом добра, когда почему-либо не хотели или не могли выступить против «ворога» князя со своими опытными, хорошо вооружёнными боевыми дружинами, брался

за сулицу и копьё, за топор и рогатину, за лук и нож русский смерд, городской ремесленник, весь простой, «менший», «чёрный люд», вся «простая чадь», и бился не на жизнь, а на смерть со всяким «ворогом». Бил и спесивого «ляха», и лихого наездника, хищного татарина, и быстрого венгра с кривой саблей, и закованного в железо немецкого «рыцаря» с крестом на плаще и с длинным мечом в руках, бил всех, кто посягал на независимость русского народа, на священную Русскую землю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иордан, О готах, «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 232.

² Маврикий, Стратегикон, «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 254.

³ Менандр, История, «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 248.

⁴ Святополк был сыном не Владимира, а Ярополка, так как Владимир женился на его матери, жене Ярополка, «грекыне», тогда, когда она была уже беременна («бе непраздна»). Имя жены Святополка нам неизвестно. Мы знаем только то, что она была третьей, младшей дочерью Болеслава от третьего брака с Эмнильдой, дочерью Добремира.

⁵ «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», СПб. 1910, стр. 140.

⁶ Thietmarus Merseburg, Chronicon, «Monumenta Germaniae Historica», Scriptorum, III, кн. VIII, гл. XVI. М. Стасюлевич, История средних веков в её писателях и исследованиях новейших учёных, т. II, стр. 563—564, 704—705. Фортинский, Титмар Мерзебургский и его хроника, СПб. 1872. П. Голубовский, Хроника Дитмара, как источник для русской истории, «Киевские университетские известия», 1878. L. Finkel i St. Kętrzyński, «Gallii Anonimi Chronicon», Lwów 1899. И. Линниченко, Взаимоотношения Руси и Польши до половины XIV столетия, Киев 1884, стр. 45—48, 79—101. М. С. Грушевский, «Історія України—Руси», т. I, Киев 1913, изд. 3-е, стр. 487, 491, 493—494; т. II, Львов 1905, изд. 2-е, стр. 3—16, 557—559.

⁷ «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», стр. 142.

⁸ Там же, стр. 166—167.

⁹ Там же, стр. 169. Ипатьевская летопись, стр. 246.

¹⁰ «Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку», стр. 168—169. И. Линниченко, ук. соч., стр. 107—120. М. С. Грушевский, Очерк истории Киевской земли от

смерти Ярослава до конца XIV столетия, Киев стр. 68—76.

¹¹ К. Маркс, Хронологические выписки, «Архив М и Энгельса», т. V. «Scriptores regni Livonicarum», 1853. т. I, стр. 531 (Рифмованная Хроника): Генрих вийский, Хроника Ливонии, Л. 1938. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, СПб. Зутис, Русско-эстонские отношения в IX—XIV вв., «Трик-марксист», 1940, № 3. В. Данилевич, Очерк истории Полоцкой земли. Киев 1896. Ф. Кейсслер, Очерки первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII столетии, СПб. 1900. М. Тихомиров, Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв., М. 1942.

¹² «Летопись по Ипатскому списку», СПб. 1871, стр.

¹³ Там же, стр. 447.

¹⁴ Там же, стр. 447—448. В. В. Мавродин, О народных движениях в Галицко-Волынском княжестве в XII—XIII вв., «Учёные записки ЛГУ», серия историч. наук, вып. 5, Л. 1939.

¹⁵ ПСРЛ, т. VII, стр. 119.

¹⁶ ПСРЛ, т. X, стр. 66.

¹⁷ В. Пашуто, Галицко-Волынское княжество времён Даниила Романовича, «Учёные записки ЛГУ», серия историч. наук, вып. 7, стр. 43.

¹⁸ «Исторія України», под ред. проф. Н. Н. Петровского, Академия наук УССР, 1943. т. I, стр. 106.

¹⁹ «Летопись по Ипатскому списку», СПб. 1874, стр. 493.

²⁰ Там же.

²¹ «Временник Импер. Об-ва истории древностей Российских», Д. И. Иловайский, История Рязанского княжества, М. 1858, стр. 83—88.

²² Иоанн де Плано Карпини, История монголов. Вильгельм де Рубрук, Путешествие в восточные страны. Перевод А. Малеина, СПб. 1911, стр. 95. М. П. Алексеев, Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, 1941, стр. 15—20.

²³ Д. И. Иловайский, ук. соч., стр. 98—95, 150—151, 202.